

Павел Лукичев,

СПб ГТУ

Дискриминация на рынках труда в современной России: издержки и выгоды

Цель данного исследования – показать роль и влияние дискриминации на развитие современного рынка труда, проанализировать основные тенденции российской дискриминации и проблемы, которые возникают в связи с ее существованием.

Нужно сказать, что дискриминация в России возникла не с началом рыночных реформ, хотя *большая* часть населения страны воспринимает ее как синоним рыночных преобразований. Она существовала и в Советском Союзе, прежде всего - по линии граждане – квази-граждане. Например, работники колхозов до 1960-х годов не имели права покидать свои хозяйства, им не выдавали паспорта.

Во-вторых, поскольку жилье в Советском Союзе в основном распределялось властями, а не покупалось гражданами на рынке, то работник, переезжая на новое место работы в поисках лучшего заработка или лучших условий труда, не имел постоянной прописки и был вынужден мириться с проявлением дискриминации до появления постоянной прописки.

Дискриминация на рынке труда относится к тем проблемам, с которыми все сталкивались и которые, в то же время, как бы не существуют. Согласно трудовому кодексу, принятому в 2001 году, каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах, и может их получать независимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного или социального положения, возраста, а также обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника. Однако на сегодняшний день даже в официальных документах есть свидетельства о широком распространении, например, практики дискриминации женщин при приеме на работу.

Давайте определимся с тем, что представляет собой дискриминация. Большинство людей относят к дискриминации то, что они понимают под несправедливым обращением любого рода. Дискриминация рассматривается как противоположность социальной справедливости. Лицо, которое дискриминируется есть лицо, с которым обращаются несправедливо.

Если постараться дать рабочее определение дискриминации, то оно будет такое. *Дискриминация означает, что на рынках труда с равными обращаются неравно или с неравными обращаются одинаково.* То есть дискриминация на рынке труда существует, если люди с одинаковой производительностью оплачиваются отличающимися зарплатами, или люди с разной производительностью оплачиваются одинаковыми зарплатами.

Проблема дискриминации столь же древняя, сколь и само существование человечества. Еще Аристотель отмечал, что худшей формой неравенства является попытка сделать неравные вещи равными. Но современный подход к дискриминации сформировался примерно 40 лет тому назад в работе Гарри Беккера «Экономика

дискриминации». Экономический анализ дискриминации основывается, по нашему мнению, на выявлении причин и источника дискриминации и форм ее проявления. Мы стараемся выделить объективные причины дискриминации на современных рынках труда (если они, конечно, существуют).

Первое - это преобладание в российском обществе специфических идей экономического равенства и экономического неравенства. Экономическое равенство - для граждан страны и экономическое неравенство - для квази-граждан.

Второе. Объективная основа – это тенденция падения рождаемости среди граждан России и среди населения развитых стран. Эта объективная тенденция углубляется, в том числе - за счет увеличения процента разводов.

Третья причина – это ужесточение глобальной конкуренции на рынках труда и невозможность для экономики современной России выстоять в этой конкуренции без привлечения работников из-за границы.

Если взять традиционный беккеровский анализ дискриминации, то дискриминация объясняется им за счет двух причин. Первая – это наличие власти, которая давала бы возможность дискриминировать на рынке. Вторая – это желание дискриминировать. Например, если работодатель предубежден против женщин и представителей национальных меньшинств, то этот предрассудок отразится на заработках и найме последних.

Соответственно мы можем показать простую модель дискриминации, используемую на рынке труда. Для примера возьмем занятость дискриминируемой группы (черных женщин) и занятость для группы, которая выигрывает (белых мужчин). В отсутствие дискриминации устанавливается равновесие, которое обеспечивает больший заработок и больший уровень занятости для дискриминируемой группы, в данном случае – для черных женщин. Соответственно, в случае дискриминации, белые мужчины выигрывают и в количестве нанимаемых работников и в уровне заработка.

В целом дискриминация на рынках труда развивается по нескольким направлениям: граждане – не граждане, местные – приезжие, мужчины – женщины, молодые – пожилые и тому подобное. Можем ли мы говорить о специфике дискриминации на рынках труда нашей страны? Если да, то какие проблемы она порождает?

Например, меньшая зарплата и худшие по условиям виды работы для приезжих и особенно для не граждан России - это типичный пример российской дискриминации. А разве не то же происходит в США или в Западной Европе? Например, в Лондоне каждый второй из зарегистрированных бездомных принадлежит к этническим меньшинствам. Почему такая экономическая дискриминация процветает и расширяется? Потому что она экономически выгодна ряду фирм и национальных экономик. Провоцирует ли государство действующей системой прописки дискриминацию на рынках труда России? Да, безусловно, провоцирует. Это близорукая чванливая политика руководства страны, блокирующая ее экономический рост.

Как показывают статистические данные, начиная с 60-х годов, российское население перестало самовоспроизводиться и сейчас страна теряет не меньше, чем по 750 тысяч человек ежегодно. В свою очередь дискриминация по линии «мужчины-женщины» порождает целый ряд вопросов, решение которых необходимо для объективного экономического роста России. Отмечу лишь, что правильные ответы на эти вопросы и сформулированная на их основе экономическая политика способны повысить конкурентоспособность и эффективность российских предприятий.

Безусловно, в годы экономических реформ женщинам гораздо труднее, чем мужчинам. В Советском Союзе работали 92% женщин. Сейчас их первыми увольняют, и как минимум 75% безработных составляют женщины. Фирмы заставляют женщин избегать получения общественных льгот, включая пособия, оплаченный отпуск по беременности и родам, уход за больным ребенком. Но, как показывает анализ

дискриминации, дискриминируемые группы населения в поисках улучшения своего положения склонны к крайним позициям.

В связи с этим давайте присмотримся к аргументам российских феминисток. Прежде всего, с их точки зрения, опросы по России в течение уже нескольких лет показывают, что среднеарифметическая женщина имеет доход в полтора раза больше, чем среднеарифметический россиянин. В ситуации социальной катастрофы женщина оказалась более адаптированной и менее амбициозной. Отражением этого послужили и результаты изменений общественного мнения, которые произошли за последние десятилетия. В исследованиях, проводимых ВЦИОМ в 1991 году, 70% опрошенных желали своим дочерям удачного брака, а 30% - успешной карьеры. Ровно за десять лет это соотношение перевернулось.

Прежние исследования дискриминации были связаны с ее различными аспектами на рынке труда – гендерная дискриминация, этническая дискриминация, дискриминация при найме, дискриминация, основанная на сексуальной ориентации, дискриминация и экономический рост и так далее. Этому было посвящено очень много работ, но большинство из предшествующих исследований ограничивалось одним направлением, а именно - показом негативных последствий дискриминации на рынках труда. Дискриминация – это плохо, этически не приемлемо, это не отражает современной экономики и поэтому дискриминация не должна существовать.

Несмотря на все эти заявления, дискриминация не только существует, но и продолжает расширяться практически во всех странах мира. Наше исследование доказывает ее **позитивную** роль в национальном экономическом росте. То есть мы рассматриваем дискриминацию, как фактор глобальной конкуренции, как фактор экономического роста, применив анализ издержек и выгод для объективной оценки процесса дискриминации на рынке труда.

Каковы последствия дискриминации на рынке труда российской экономики? Прежде всего, нужно сказать, что искусственное ограничение конкуренции снижает производительность занятых работников. Если мы постараемся посмотреть и проанализировать влияние процесса дискриминации на рынке труда на результативность национального хозяйства, то мы можем выделить прямое и опосредованное влияние. Прямое влияние – это, прежде всего, процент или стоимость ВВП, производимого мигрантами. Обратный показатель – это стоимость продукции и услуг, не произведенных из-за дискриминации на рынках труда. Например, мигранты в России удерживают низкий уровень зарплаты в таких секторах, как строительство и розничная торговля, что приносит выгоды всей экономике, делая ее более конкурентной.

Если характеризовать это прямое влияние в целом, то экономические издержки дискриминации имеют как индивидуальную, так и общественную природу. Индивидуальные издержки дискриминации испытывают люди, которые что-либо потеряли в результате дискриминации. Люди, которые дискриминируются, испытывают потери в форме снижения стандартов жизни. Им склонны платить меньше за то, что они продают. Они платят большую цену за то, что они покупают, они имеют меньше возможностей для занятости, их часто нанимают на низкооплачиваемые должности.

Социальные издержки дискриминации - уменьшение общего выпуска продукции в экономике вследствие дискриминации. Издержки общества по дискриминации заключаются в уменьшении национального выпуска товаров и услуг в результате дискриминации. Например, исследование, которое было проведено в США, выявило потерю только из-за одного вида дискриминации (а именно - дискриминации по полу) на уровне 3% ВВП в год.

Дискриминация вызывает потери товаров и услуг для общества, так как она выражается в снижении уровня экономической эффективности. В условиях отсутствия дискриминации ресурсы распределяются на основе их производительности. Теперь посмотрим на опосредованное влияние, которое оказывает дискриминация на рынке

труда. Давление низких уровней зарплат и худших условий труда мигрантов на местных работников, на издержки труда позволяет народному хозяйству страны или региона быть конкурентоспособным. Выгоды, которые имеют российские фирмы от такой дискриминации, мы можем видеть по двум направлениям. Во-первых, это более низкие зарплаты, чем, например, у петербуржцев, и, во-вторых, экономия на социальных выплатах. Последствия первого и второго со знаком «плюс» – это более низкие издержки, чем у петербуржцев, и выпуск конкурентоспособной по издержкам продукции. Это делает возможным существование многих предприятий в России. Это делает российскую экономику в целом инвестиционно привлекательной для иностранных фирм. В отличие от Гарри Беккера, я считаю, что дискриминирующий предприниматель имеет меньшие издержки в краткосрочном периоде по сравнению с издержками недискриминирующих фирм. То есть, если какой-либо экономический рынок существует и развивается, то он имеет экономическую эффективность.

Мы должны отметить обстоятельство, которое является следствием использования дискриминации на рынках труда. Первоначально уровень зарплаты зависит как от предложения капитала, так и от предложения труда. То есть мы не должны рассматривать низкие зарплаты в изоляции от других факторов производства. Вначале поток иммигрантов увеличивает предложение труда рабочих и сокращает уровень зарплаты. Но более дешевый труд увеличивает потенциальные доходы нанимателей за счет строительства новых фабрик, открытия новых магазинов. Вследствие этого они создают дополнительный спрос на рабочую силу. Как только капитал полностью приспособится, влияние на уровень зарплаты прекращается до тех пор, пока иммигранты не изменят производительность всей рабочей силы. Однако даже если уровень зарплат в среднем не изменится, то миграция может изменить зарплату иным образом.

В любом случае, занятость в России будет смещаться в сторону более квалифицированных рабочих мест, чтобы поддержать экономический рост. В 1950-70-х годах в развитых странах и в Советском Союзе преобладала тенденция к повышению качества производимых товаров и услуг на уровне конкуренции. В 1980 году под давлением азиатских «тигров», а затем под давлением Китая стала преобладать тенденция к уменьшению издержек, включавшая в себя упрощение товаров, снятие с себя некоторых услуг. Чтобы достичь этого, Россия стала сейчас вторым в мире центром миграции. Обычно страна приглашает дешевую рабочую силу для понижения издержек производства при существующих сегодня технологиях. В краткосрочном периоде это дает свои экономические плюсы.

Но существуют два последствия, которые могут возникнуть в долгосрочном периоде. Первое – это постоянная профессиональная сегрегация между гражданами и квази-гражданами. Второе – это большие социальные издержки и межнациональные проблемы. Вопрос, которым я задаюсь: чего больше – экономических выгод или социальных издержек, которые несет страна? С другой стороны, мы можем назвать не только экономические плюсы, но и экономические последствия со знаком «минус». Меньшие налоги, которые платят такие фирмы, означают упущенную выгоду для государства. А отсутствие социального пакета у работников неизбежно создаст у них проблемы в будущем.

В связи с этим принципиально важным является поиск ответа на следующие вопросы. Всегда ли те, кто имеет выгоды от дискриминации, несут все издержки по дискриминации? Каков механизм переложения издержек на других действующих лиц в процессе дискриминации?

Третье последствие, на котором мы остановимся – это проблема того, существует ли конкуренция между развитыми странами, между регионами за возможность дискриминировать не своих граждан. Почему мы постоянно сталкиваемся с тем, что мигранты приезжают в одни регионы и не приезжают в другие?

Можно выделить своеобразные центры мирового рынка рабочей силы. Со второй половины 20-го века таких центров выделилось три: первый – это США и Канада, затем – Западная Европа и третий крупный центр – это Латинская Америка (Бразилия, Чили, Аргентина). Формирующийся с начала 90-х годов четвертый центр – это Россия. Причина возникновения последнего связывается с несколькими моментами. Во-первых, это более прочное положение по сравнению с другими государствами СНГ. Во-вторых, это общность языка, системы ценностей, традиций и воспитания. В-третьих, это более высокий уровень жизни по сравнению с другими государствами СНГ. В-четвертых, это устойчивый спрос на иностранную рабочую силу и сохраняющаяся возможность для иностранцев в различных секторах экономики. Кстати, количество людей, которые ищут убежище в промышленно развитых странах, за последние пять лет сократилось вдвое. Причины, с одной стороны, очень хорошие – это окончание многих военных конфликтов. А, с другой стороны, развитые государства в последнее время ужесточили свои миграционные законодательства.

Если же постараться определить количественные параметры мировой трудовой миграции сегодня и место России среди мировых центров рабочей силы, то можно привести следующие данные. Среди стран, которые принимают мигрантов, Россия устойчиво занимает второе место и по числу мигрантов и по процентному соотношению общего количества мигрантов в мире. Кстати, я должен сказать, что достаточно большое количество мигрантов принимают и другие бывшие республики Советского Союза, такие как Украина и Казахстан.

Дискриминация на рынках труда и структура экономики страны - какова взаимосвязь и взаимозависимость между ними? То есть как воздействуют на изменение уровня дискриминации на рынках труда, например, специализация страны на выпуске продукции трудоемкой, но требующей низкой квалификации? Или специализация страны на выпуске продукции менее трудоемкой, но требующей более высокой квалификации персонала? Или специализация страны на выпуске капиталоемкой продукции? Или специализация страны на выпуске наукоемкой продукции?

В своем выборе будущего развития России следует учесть печальный опыт Германии 60-80-х годов, когда наличие дешевой рабочей силы, гастарбайтеров, на немецких заводах замедлило адаптацию производства к трудосберегающим технологиям. В итоге такой адаптации Япония получила роботов. Более того, Япония поставила перед собой задачу, и, похоже, ее решила: с 2005 года на японских заводах не остается рабочих-японцев, которые были бы заняты физическим трудом. Учитывая то, что Япония занимает первое место в мире по производству наукоемкой продукции, то, скорее всего, Японии удалось реализовать эту цель. Для сравнения: в Японии производится 30% всей мировой наукоемкой продукции, а на территории России - всего 0,3%.

Далее. Если страна будет переходить на более высокую ступень лестницы сравнительных преимуществ, то будет ли это снижать дискриминацию на национальном рынке труда? Приведет ли переход от ресурсоемкой экономики к экономике капиталоемкой и - не дай Бог - к наукоемкой экономике - к тому, что число людей, которые будут дискриминироваться, станет меньше? В принципе, практика и России и всех других стран мира этого не показывает. Единственное исключение - Япония. Раньше я считал таковым еще и Норвегию. Но, побывав в Норвегии, я понял, что там все это присутствует – «все как у людей». То есть во многих странах мира, за исключением Японии, дискриминация выступает существенным фактором экономического роста.

Следовательно, такое итоговое влияние дискриминации на национальную экономику зависит от модификации структуры национальной экономики, от того, насколько эта структура национальной экономики будет меняться.

То есть, например, смешаются ли российские предприятия производства от выпуска интенсивных товаров (таких как лес, нефть, или природо-интенсивных товаров, как текстиль) к выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью. К такой

продукции относятся продукция фармацевтики или программное обеспечение. Внутри предприятия происходит сокращение числа рабочих мест, требующих низкой квалификации, и, соответственно, увеличивается число рабочих мест с высокой добавленной стоимостью, например, в исследованиях и разработке, в проектировании и маркетинге.

В целом можно сказать, что влияние дискриминации на рациональное разделение труда и на социальные издержки очень противоречиво. Если, например, давление вновь прибывающих работников на национальный рынок труда является постоянным, как в США, то это заставляет коренных работников не только интенсифицировать свой труд, но и повышать качество своей рабочей силы за счет прохождения системы переподготовки и тренингов. Не случайно такое типичное явление, с которым я не раз сталкивался, - когда многие американцы просто не догуливают свой отпуск, возвращаются на свое рабочее место раньше, потому что они считают нелояльным по отношению к фирме, если их так долго не будет на рабочем месте. В частности, отражением этой тенденции служит то, что 81% американской рабочей силы, в подавляющем большинстве случаев, - за свой счет, прошли переподготовку. Как результат, производительность местных работников возрастает. В то же время обратной стороной этого процесса является то, что дифференциация доходов возрастает и появляется внутренняя дискриминация, то есть дискриминация среди своих работников.

Затем возникает проблема, которую я назвал проблемой «второго поколения».

Существует два возможных пути ее решения. Первый путь – американский. Новое поколение мигрантов подрастает, и, в условиях хорошего образования, они становятся работниками с такой же производительностью, как и местные работники. Или, в условиях плохого образования, при сохранении профессиональной сегрегации, так называемой внутренней дискриминации, они продолжают быть частично дискриминируемыми. По мере того, как количество дискриминируемых людей в этом поколении уменьшается, национальный рынок труда требует новых мигрантов – работников для своего эффективного развития. Круг замыкается, и кругооборот дискриминации на рынке труда продолжается. Вновь прибывшие сравнивают экономические позиции с теми, которые у них были на родине, они видят, что им выгоднее трудиться здесь и так далее. То есть, мы видим, что эмиграция в США имеет свои положительные тенденции.

Второй путь – европейский. Главная причина его существования – отсутствие в государствах благосостояния граждан, желающих трудиться на грязных, непрестижных работах, обычно в сфере услуг. Привлечение квази-граждан и создание системы профессиональной сегрегации – это отличительные черты европейского пути. В отличие от американского, второе и третье поколение мигрантов слабо интегрируются в систему ценностей европейских стран и европейские страны в целом сопротивляются идее о том, что миграция – это необходимая и ценная составляющая экономического роста.

По нашему мнению американский путь более характерен для современной России. Структура рынка труда как в Санкт-Петербурге, так и во всей России меняется очень интенсивно. Это может быть прослежено по изменениям уровней оплаты труда в различных отраслях и направлений инвестиций в национальную экономику.

В Ленинграде более 80% рабочей силы было занято в промышленности - в основном, в оборонной. Сейчас доля обрабатывающей промышленности составляет 26,4% валового регионального продукта. Вдумайтесь, какие произошли изменения. Колоссальная динамика! Но это не предел. Сейчас в США доля работников, которые заняты в промышленности, составляет 5%, доля работников, которые заняты в сельском хозяйстве – менее 2%. Итого, 7% работников, которые заняты в материальном производстве. И еще есть резерв. Если посмотреть на среднемесячную зарплату, то среднемесячная зарплата в России в 1992 году составляла 5 долларов, в 1997 – 115 долларов, в 1999 – 20 долларов, а весной 2006 года в Санкт-Петербурге в отраслях высоких технологий составляла 1034 доллара, в обрабатывающей промышленности – 866

долларов, в сфере услуг – 601 доллар. Но, как следствие, существует обратная сторона. Так же, как в США за последние 15 лет, в России существенно возросла дифференциация доходов. Отношение доходов 10% самых богатых к 10% самых бедных составляло в 1992 году 8 раз, а в 2006 году - более 15 раз, причем в последние четыре года оно устойчиво возрастает.

Миграция – это хорошо или плохо для России? Численность мигрантов сегодня составляет шестую часть всей рабочей силы страны. Опросы населения показывают крайне отрицательное отношение к мигрантам: 69% - плохо, 23% - хорошо, 8% - затрудняются ответить. Это значительно выше, чем средние цифры по миру. Отношение к мигрантам в мире: 47% - отрицательное, 43% - положительное.

Выводы.

Дискриминация на рынках труда по направлениям местные-приезжие, мужчины-женщины, по возрасту и так далее реально существует в современной России. Дискриминация на рынках труда в России и развитых странах не просто существует, но и сознательно воспроизводится. Причинами служит стремление фирм и национальных экономик снизить издержки производства и выстоять в условиях глобальной конкуренции со странами, имеющими значительно более низкие уровни оплаты труда. Одновременно существует желание переложить на долю неместных работников или на долю дискриминируемой части своей рабочей силы непрестижные грязные виды работ или услуг.

Второе. Дискриминация на рынках труда играет позитивную экономическую роль для национального экономического роста. Это верно как для внутренней, так и для внешней дискриминации. Как указывает Элсон, дискриминация против женщин может продолжать сохраняться, поскольку в отсутствии социальных изменений это выгодно. Она и сохраняется, что показывают цифры по всем странам мира.

Автор согласен с тем, что воздействие на экономический рост зависит от того, как дискриминация влияет на уровень доходов человеческого капитала через возрастание его квалификации. Поэтому мы считаем, что политика, направленная на снижение дискриминации, не является обязательным условием ускорения экономического роста. По нашему мнению, только политика, концентрирующая свои усилия на снижении дискриминации по отношению к наиболее образованной группе работников, ускоряет экономический рост. Но это не наш случай.

В качестве подтверждения, наряду со своим аспирантом, я хотел пригласить еще одного коллегу, который является выпускником программы MBA. В ответ на мой E-mail с приглашением он пишет свой ответ о дискриминации высококвалифицированного специалиста в сфере образования. Мне примеры такого рода дискриминации близки. Есть такой показатель – 27 лет. Как профессор и преподаватель я могу привлекать молодых людей к тому, чтобы он или она преподавали в ВУЗе. Но, несмотря ни на какое интеллектуальное обаяние, после 27 лет нет таких нормальных молодых людей, которые бы преподавали в ВУЗе после этого возраста. На прошлой неделе был просто катастрофический случай. Ко мне подошел молодой преподаватель: «Павел Михайлович, я буду уходить. Иду работать в коммерческий сектор, преподавать». На это я ответил, что обычно так и происходит: когда исполняется 27, люди уходят. А он говорит: «Да, мне вчера исполнилось 27». Это уже просто классический случай.

В любом случае, чтобы в стране продлился экономический рост, мы должны смещать занятость в сторону более квалифицированных рабочих мест. Дискриминация на рынках труда является формой адаптации национальной экономики в период глобализации. То есть мобильность хороша для всех экономических агентов, но в этой игре одни страны являются победителями, а другие страны являются проигравшими. Конкуренция между странами и регионами за возможность дискриминировать граждан других стран будет только усиливаться.

На этом позвольте мне закончить.

Вопросы.

Смулянский Ефим: Вы делаете вывод: дискриминация является формой адаптации национальной экономики в глобализации. А что до, явления глобализации этого не было?

Лукичев: Такой конкуренции не было. А значит, и говорить не о чем.

Смулянский: Вы говорите о конкуренции со странами с более низкой оплатой труда. Я всегда считал, что конкурировать нужно со странами с более высокой оплатой труда.

Лукичев: Если мы сравним оплату труда в России и в Китае, то увидим, что средний уровень оплаты труда в России в три раза выше, чем в Китае. Мы самые бедные, самые несчастные, но получаем в три раза больше, чем средний китаец. А средний американец получает в 48 раз больше. То есть проблема заключается в том, что для того, чтобы наша замечательная качественная продукция могла конкурировать, мы должны иметь более низкие издержки. Я взял Китай как крайний случай, потому что там самые низкие издержки труда. Естественно, все остальное, что мы будем делать, сколько бы мы ни рассказывали, какие мы замечательные, просто не имеет смысла. То есть мы не проходим по издержкам.

Смулянский: Не кажется ли Вам, что все, что Вы говорили о дискриминации, сродни уклонению от уплаты налогов. Там тоже снижаются издержки, но почему-то весь мир с этим явлением борется. А Вы говорите, что дискриминация способствует росту экономики. Так способствует она росту экономики или нет?

Лукичев: Конечно. Точно так же, как весь мир борется с уклонением от уплаты налогов, мы постоянно сталкиваемся с тем, что фирмы, которые помогают уклоняться от налогов, все более процветают. Более того, за последнее время, если быть серьезными, эта проблема только усилилась. Потому что дело «Энрон», а потом дело «Пармалат» показали, что борьба, которая ведется с уклонением от уплаты налогов в развитых странах, себя дискредитировала. Тот крах экономики, который был в США в 2000 году после дела «Энрон», это полностью показал.

То есть, все формы уклонения от снижения издержек, как дискриминация, как уклонение от уплаты налогов способствует тому, что мы сталкиваемся с теми явлениями, которые существуют на самом деле. Может быть, этически это плохо, но экономически это существует, и будет существовать.

Смулянский: Но экономически это тоже плохо. А если экономически это плохо, а государство себе не враг, и оно будет бороться.

Лукичев: О каком государстве Вы говорите?

Смулянский: Абсолютно все государства борются.

Лукичев: Не борются в мире с дискриминацией! Дискриминация приветствуется, людей приглашают, существуют разные программы. Существуют разные возможности для работников с высокой квалификацией, с низкой квалификацией, со средней квалификацией...

Смулянский: не могу удержаться, чтобы не задать еще один вопрос.

Я привык считать, что экономика – это настолько сложная штука, что здесь нажмешь, а бабахнет непонятно где. Получается, что работодатель, который дискриминирует своих рабочих, на самом деле не доплачивает им зарплату. А если он не доплачивает им зарплату, они не покупают товары, и это замедляет рост экономики. То есть одному предпринимателю это выгодно, а обществу в целом и государству – нет.

Лукичев. Если бы сотни тысяч предпринимателей могли бы договориться и решить: да, мы так не будем делать! Но, к сожалению, мы живем в реальном мире, где обязательно кто-то нарушит условия в свою пользу.

Смулянский: Кто-то обманывает, кто-то не возвращает долги. Но это же отрицательные явления.

Шелин Сергей (журнал «Новое время»): В каких секторах петербургской экономики заметен вес дискриминируемых мигрантов, за исключением строительства и розничной торговли?

Лукичев. Наверное, эти две группы являются основными. Я затрудняюсь назвать другие сектора, которые в массовом порядке принимали бы мигрантов.

Шелин: Наши власти в прошлом и нынешнем году предпринимали различные меры по борьбе с мелкорозничной торговлей. Это был удар именно по дискриминируемым группам мигрантов. С Вашей точки зрения это улучшило или ухудшило экономическую ситуацию в городе?

Лукичев. Безусловно, это ухудшило экономическую ситуацию. Это вызвало процесс избыточной концентрации. Проблема розничной торговли такова. Здесь существуют две тенденции. Первая – это тенденция концентрации, открытие супермаркетов, гипермаркетов и так далее. Вторая проблема, которая здесь существует – это так называемые магазины у дома и дешевые рынки. Оба эти процесса во всем мире идут абсолютно параллельно. Существует и то, и другое. А когда мы одну из конкурирующих частей искусственно устраняем, то мы тем самым вызываем монополию другой части, что всегда плохо для потребителя. Нигде в мире это не улучшало ситуацию. И в данном случае будет хуже.

Проблема заключается в том, что дискриминация неодинаково влияет на разные группы населения. Сильней всего от дискриминации страдают люди с низкими доходами. Это происходит везде в мире, в том числе и у нас. Эта группа населения больше всего выступает против мигрантов. Почему? Потому что именно для них не происходит повышения зарплаты, именно для них консервируются худшие условия труда. Именно они остаются в этом положении надолго. В то время как для других групп населения, для людей со средними и с высокими доходами ситуация только улучшается. Получается, что дискриминация всегда бьет по одним и тем же. То есть, у людей с низкими доходами и зарплаты повышаются медленнее и условия приобретения товаров при этом ухудшаются с точки зрения соотношения товаров по линии цена – качество. Поэтому, конечно, эти меры не относятся к мерам серьезной экономической политики.

Виктор Пересада: Вот Вы говорите: занятость населения. Население – это только жители Петербурга или как-то будут учитываться мигранты. На что это направлено? На то, чтобы большая часть населения работала и было меньше мигрантов? Вы не в курсе дела? Ведь в Петербурге создан Комитет по занятости населения.

Лукичев. Это очень простой вопрос, только хотелось бы знать, почему в свое время был закрыт этот комитет?

Валерий Ронкин: В целом по миру в результате миграции уравнивается ли уровень жизни населения?

Лукичев. В результате миграции те страны, которые были более развитыми, становятся еще более развитыми. Те страны, откуда мигрирует население, как правило (хотя есть исключения), становятся еще беднее. Потому что, чем беднее страна, тем более высокий процент квалифицированных работников из нее изымают. Поскольку специалистов там и так не много, изъятие тысячи-двух тысяч специалистов из такой страны может просто блокировать некоторые отрасли экономики данной страны. То есть, ухудшается положение бедных стран, углубляется неравенство и дискриминация. Это можно проследить и по увеличению разницы в доходах между странами, и это можно проследить по структуре национальных экономик развитых и менее развитых стран. То есть происходит ухудшение.

Наталья Сидорова (журналист): Вы сказали, что мигранты второго поколения испытывают большие трудности. Почему? Ведь, казалось бы, они и язык знают и вообще выросли в этой стране.

Лукичев. Очень хороший вопрос. Я благодарю Вас за него. В чем заключается сложность? Когда человек приезжает из страны, где ему было плохо, где у него не было возможности для самореализации, он постоянно сравнивает (вольно или невольно) с тем уровнем жизни, с теми условиями работы, которые были у него на родине. И ему кажется, что здесь как бы лучше. И он будет мириться с потерей статуса.

Но когда человек, его сын или дочь, вырастает в условиях, когда рядом за партами сидят такие же люди, а он или она будет иметь грязную или плохо оплачиваемую работу (и он всегда будет ее иметь), то он (или она) лишается чувства перспективы, которое должна быть у каждого человека. Он видит, что с самого начала является изгоем в этой стране, и это положение изгоя сохраняется.

Вы же знаете, что коренные жители и мигранты живут в разных районах. Школы везде муниципальные. В муниципальной школе уровень налогов граждан, которые проживают в данном муниципалитете, определяет стоимость обучения и содержания этой школы. Эта стоимость получается различной. И так далее. Магазины, в которые они ходят, немного другие, люди говорят на немного другом языке. Который - если говорить о Франции - не совсем французский. А может быть и арабским. А чтобы стать кем-то, он должен говорить на правильном французском.

Пересада: Но инженером он стать может?

Лукичев: Может. Но инженером станет один из 100.

По опыту общения в разных странах, в частности, в Германии, эти люди просто консервируют себя, свой круг общения. Например, у меня была встреча в Ульме (Германия). Там самые высокие церковные здания в мире. В воскресенье там все немцы не работают. Открыто только турецкое кафе. В этом кафе все замечательно: там маленькая Турция. Там все на турецком языке: идет какая-то информация, телевидение и прочее.

И хотя я говорил об Америке как о положительном примере, то же самое происходит и там. Во многих районах людей, говорящих по-английски, просто не обслуживают. То есть, например, вы заходите в супермаркет в городе Салинасе – это мексиканский район в Северной Калифорнии. Там вы сразу видите что-то родное. Например, у американцев мясо чистое, а здесь грязное, фрукты не помыты – такой

Советский Союз. Там все говорят только по-испански. Того, кто говорит по-английски, там просто не обслуживают. Смотрят на тебя и сознательно не обслуживают.

Сидорова. Скажите, пожалуйста, Закон о квоте на рынке где-то еще применялся? И есть ли альтернатива таким достаточно репрессивным мерам? Может быть, существуют какие-то другие, более мягкие психологические или административные меры?

Лукичев. Все меры запрета – это меры не экономические. Сейчас в любой стране мира прямые запреты делать не модно. Вроде бы их не существует. С моей точки зрения, с точки зрения экономиста, это страшная глупость. Почему приглашают мигрантов? Потому что есть виды работ, где нет конкуренции, куда не стремятся люди, проживающие здесь постоянно. Если мы устраним мигрантов на этих должностях, на этих видах работ, значит, эти виды работ должны быть заняты работниками из числа проживающих постоянно. То есть в этих видах работ будут использоваться люди, которые могли бы заниматься более квалифицированным, более высокооплачиваемым, более престижным трудом.

Все мягкие меры заняты одним и тем же: чтобы не было противопоставления граждан страны и квази-граждан. Меры здесь различные. Самое главное, чего нет у нас, – это то, что мигранты должны жить там, где это нужно принимающей стране. У нас же человек приезжает – и куда он хочет, туда и устраивается. Это свободно, это хорошо, но, например, в США всех мигрантов расселяют по разным штатам, чтобы они не были вместе. То же самое в Норвегии: люди два года живут там, где им предложат. У нас этого нет. Это мягкая мера, которая делает контакты между местным населением и приезжими более тесными, более дружескими и повысит лояльность друг к другу.

Не всегда это срабатывает. Например, вьетнамская община в США все равно концентрируется в Калифорнии, куда бы их не высылали. В Норвегии через два года все оказываются в Осло, кроме наших – наши живут на севере. То есть меры должны быть направлены на то, чтобы сделать этих людей как можно более «нормальными» (если можно так выразиться).

Ронкин. Существует такое понятие, как нациократия. Есть люди, которые заинтересованы в том, чтобы мигранты не вписывались в общий фон и зависели от них. Это связано и с мафией и с другими группами. Насколько я знаю, немецкие газеты жаловались на то, что в крупных городах Германии, в городах с большим количеством мигрантов эта нациократия принимает достаточно тяжелые формы. Я как раз был в маленьком Трире, говорю: «У вас здесь рай иностранцам. А в крупных городах существует нациократия, которая держит их в своих руках и не дает смешиваться».

Лукичев. Я не могу сказать за всех мигрантов. Я могу сказать за поволжских и казахстанских немцев, которые приезжают в Германию и попадают в ситуацию, которая называется «золотая клетка». Когда этнический немец приезжает из России, из Казахстана, то он попадает в положение «золотой клетки». Есть квартира, есть обстановка, вроде все нормально, но, как правило, нет работы. А если работа есть, то она в несколько раз хуже, чем обычно. Причем, это безо всякой дискриминации по возрасту. Я был знаком с молодыми людьми, которые туда приехали в возрасте 20, 23, 25 лет и так далее. Насчет того, что что-то держит незримо – да. Держит, не давая получить молодому человеку статус, соответствующий его профессии, его образованию и так далее. Это реальная ситуация, которая существует. Ничего нового мы по этому поводу сказать не можем.

Наталья Сидорова. Моя знакомая живет в Германии. Я хочу сказать, что то, что делают немецкие власти для «русских» немцев, это просто поразительно. Сколько они

тратят денег на то, чтобы адаптировать этих людей в свою жизнь. Поражает их озабоченность этой проблемой.

Лукичев: Но есть проблема «второго поколения».

Людмила Яхонтова. Я занимаюсь гендерным направлением. По-видимому, Вы предлагаете, что нужно сделать для того, чтобы не было дискриминации по полу. Как Вы видите возможность установления квот на руководящие должности для женщин и для какого сектора? И сразу второй вопрос. Известны ли Вам судебные иски, в том числе с положительным решением? Есть ли что-то конкретное по этому вопросу?

Лукичев. Только два региона в России борются с дискриминацией труда и, соответственно, иски были в двух этих регионах. Это не Москва и не Санкт-Петербург. Если не ошибаюсь, один из регионов – Иваново. Там действительно, раскрылись злоупотребления, и все увенчалось успехом.

По поводу квотирования женщин на руководящие должности. Как мужчина, я должен напомнить, что «золотой век» Россия имела при Екатерине. Поэтому, с точки зрения экономического развития, безусловно, было бы желательно ввести на период одного поколения, то есть 20 лет, квотирование женщин на руководящие должности. Это касается всех ветвей власти и касается всех фирм.

Идея достаточно прозрачна. Если, например, на предприятии работает 50% женщин, то 50% менеджеров низшего, среднего и высшего звена должны быть женщины. Вводить эту практику, безусловно, необходимо, потому что мы, мужчины, - замечательные, хорошие и так далее, но есть одна проблема. Дело в том, что монополия пола, монополия возраста, монополия нации – это всегда монополия, которая всегда приводит к ухудшению положения дел, к принятию односторонних решений. Поэтому введение такой меры совершенно необходимо. На практике, применительно к женщинам, такая мера была введена во всех Скандинавских странах, и в течение 20 лет это работало. Сейчас вопросов по этому поводу не возникает.

Второй момент. Такая же мера квотирования была введена американцами, которые работали в Южной Африке, чтобы разрушить систему апартеида. Тогда тоже была введена такая система, то есть число белых и черных руководителей должно быть пропорционально количеству белых и черных работников на предприятии. Поэтому квотирование женщин должно быть.

Там, правда, есть одна чисто экономическая проблема. Все это хорошо звучит, но на практике получается, что есть проблема дискриминации наоборот. Если мы введем квотирование, то кто-то из мужчин, подходящих для своей должности по возрасту, квалификации, опыту работы и так далее, не займет свое место.

В Европейском Союзе это запрещено. Там было дело 1997-1998 года. В одном небольшом немецком городке садовник не мог попасть на должность, потому что место было квотировано за женщиной. Он выиграл дело в Европейском суде, после чего в Европейском Союзе официально квотирование не действует. Но для нашей страны это абсолютно необходимо. Вопрос перезревший. Почему это надо? Это ясно по многим позициям. Мы говорим о том, почему это не действует, и что надо делать для того, чтобы это, наконец, стало действовать. У нас вначале это надо ввести на региональном уровне, этого пока вполне достаточно.

Екатерина Колтунова (ИНЖЭКОН): Вы рассматривали другие причины дискриминации - помимо экономических? Мне кажется, что кроме экономической дискриминации в виде установления более низких окладов, существуют еще социально-политические. Например, метод социальной инженерии.

Скажем, у нас дискриминируются преподаватели, врачи. У нас профицитный бюджет - значит, они дискриминируются не потому, что нет денег. То есть это имеет не экономический смысл.

Кроме того, дискриминация происходит не только со стороны государства, но и со стороны крупных корпораций. Возьмите, к примеру, завод Форда, который платит рабочим зарплату порядка 400 долларов. Здесь я тоже не вижу чисто экономических причин.

У меня есть такая гипотеза. Выстраиваются некоторые группы людей, которые не должны пересекаться. Например, группа людей, которые получают 5000 долларов, группа людей, которые получают 2000, группа людей, которые получают 600, и группа людей, которые научились жить на 200 долларов. Также существует группа людей, которые умеют жить на 100 долларов. Совместными усилиями корпораций и государства выстраиваются эти группы - страты. Люди не переходят из одной группы в другую – все делается для этого. В результате, дискриминация внутри этих страт идет не по полу, возрасту или уровню образования, а, возможно, по какой-то корпоративной лояльности, по каким-то психо-физиологическим факторам, которые, наверно, интересно было бы раскрыть.

Лукичев. Это отдельный, очень большой и очень интересный вопрос. Все страны мира в экономическом росте стремятся жить лучше, но разделение на такого рода страты, безусловно, существует. Оно определяется не только по корпоративной линии, но и по месту жительства, по привычкам, которые формируются. Это отдельный вопрос.

Но то, что люди, имеющие большие доходы, отдаляются и ставят барьеры для других групп – это чисто экономический вопрос. Например, Москва стала городом, где самое большое в мире количество бронированных автомобилей. Это не предел: Рио-де-Жанейро стал городом с наибольшим количеством вертолетов. Люди живут в своей общности и им этого достаточно. Выйти на пляж, покупаться вместе со всеми уже невозможно. Это должен быть отдельный пляж, и так далее. Это существует. Здесь причины и экономического плана, то есть стремление, как у Скруджа, не делиться своими доходами, но есть и социальные. То есть это большая проблема, и я бы на нее не дал однозначного ответа.

А по первому вопросу могу сказать, что я все-таки экономист. Все причины, которые у нас перечислены, прежде всего - экономические. Если возвращаться к вопросу с заводом Форда и с его проблемами, то они просты. Дело в том, что уровень оплаты труда (это еще Смит говорил) зависит от борьбы между сторонами. То есть, условно говоря, если вы не будете «бодаться», то зарплата будет 400 долларов, будете «бодаться» - будет 600 и так далее.

После изучения Смита у меня возникла такая ситуация. Мои польские коллеги-преподаватели и я, как выяснилось, были в Дании в одних и тех же местах. Посещаем в Дании головное предприятие. Есть филиалы в Польше, в Литве, в России. Зарплата везде разная. Все зависит от соотношения сил между сторонами. Поэтому у нас на заводе Форда – 400 долларов. 40000 мест он вынужден был закрыть в Америке из-за высокого уровня оплаты труда. Зарплата, которая есть у нас, - в 16 раз ниже, значит у нас производительность труда ниже в 16 раз. То есть, если люди работают хорошо, то они работают хорошо, а если кое-как, то разница в 16 раз. Ну не видел я у нас преподавателя, который вышел бы из отпуска раньше для того, чтобы подготовиться к занятиям. А в Америке в августе, за три недели до начала занятий, полфакультета уже сидели на своих рабочих местах. Поэтому в 16 раз.

Мария Мацкевич (СИ РАН): Скажите, пожалуйста, как сказывается на экономическом росте следующая ситуация (достаточно подробно исследованная): когда в страны Скандинавии приглашаются мигранты (речь, естественно, идет о легальных), они

получают определенный уровень социальных гарантий. Если они по каким-то причинам теряют работу, они либо получают пособие по безработице, либо какое-то минимальное пособие, а женщины получают пособие на детей. Уровень этого пособия в любом случае выше, чем тот уровень зарплаты, который они имеют на тех низкооплачиваемых работах, на которые их приглашали. В результате у них нет стимула работать. Женщины получают пособие на детей, а рождаемость там высокая. И это воспроизводится из поколения в поколение. Как эта ситуация сказывается на экономическом росте?

Лукичев. На экономическом росте эта ситуация сказывается положительно. Во-первых, не хватает людей на грязных низкооплачиваемых непрестижных работах, поэтому получается, что эти мигранты вынуждены трудиться на этих должностях из поколения в поколение. Для того, чтобы перейти на другую работу, нужны условия, которые вся обстановка этим мигрантам не дает. Для чего нужно воспроизводить детей иммигрантов? Стране нужна безработица для того, чтобы люди, которые работают, лучше трудились. Безработица может формироваться а) среди своих (шведов, норвежцев), б) среди мигрантов. Для коренного жителя страны выгоднее, чтобы безработными были мигранты. Судите сами, дискриминация это или нет. Мне кажется, что это дискриминация. Все люди равны перед Богом.

КОММЕНТАРИИ.

Сергей Шелин: Две ремарки, не касающиеся экономической стороны вопроса, так как экономическая сторона освещена достаточно однозначно. Первое соображение, на которое Вы обращали внимание: то, что в западных странах все труднее ассимилируются общины мигрантов. Это явление касается почти всех. Может быть, ярче оно проявляется в Европе, так как эмигранты из Сенегала и Алжира не считают себя французами, даже будучи французскими гражданами.

Но и в Соединенных Штатах, как Вы совершенно справедливо заметили, происходит то, что они впервые за всю свою историю превращаются в двуязычную страну. И это не потому, что феномен большого количества испаноязычных мигрантов в новинку. Было большое количество германоязычных мигрантов в прошлом веке. Среди американцев каждый третий имеет немецкие корни, но Соединенные Штаты не стали двуязычной страной. Видимо какое-то глубокое мировое явление, связанное с глобализацией или с чем-то еще. Это интересное явление, потому что оно подрывает основы национальных государств, а помимо прочего это означает, что подрываются основы современной демократии. Потому что все устойчивые демократии существуют только в национальных государствах. Я имею в виду государства, имеющие свою гражданскую нацию. Это первое соображение.

Второе касается нашей страны. Многие мысли, которые здесь высказывались, подразумевали какие-то действия наших властей. Мне кажется, что действия наших властей по определению будут неадекватны, потому что у нас нет на сегодняшний день адекватной гражданской службы. В начале столетия я еще возлагал надежды на то, что наша гражданская служба встала на путь какого-то самосовершенствования. Надеялся, она станет более современной. К сожалению это не так. Какие-то разрушительные процессы в ней достаточно велики.

Поэтому любые принимаемые решения, касающиеся мигрантов, всегда будут неадекватны: говорится одно, но при этом ясно, что будет делаться совсем другое. С одной стороны - огромный неконтролируемый поток, расселяющийся где угодно. С другой - репрессии против них. Тем более, что в нашем обществе, планомерно-корпоративном снизу доверху, мигрантские кланы очень свободно себя чувствуют, они очень уверены, их голоса все слышней в общем хоре, как в Вороньей Слободке. Мне трудно что-то по этому поводу сказать, но обычаи и традиции, которые на ходу складываются между

мигрантскими общинами, может быть, более действенны, чем мигрантская политика властей.

Третье соображение касается нежелания найти рабочую силу соответствующей квалификации. Работая в целом ряде крупных и крупнейших медийных предприятий нашего города, могу сказать, что там чрезвычайно велика доля мигрантов, правда, там мигранты преимущественно из русских регионов. Работа журналиста считается сравнительно квалифицированной, но при этом местные жители не идут в журналисты. Выпускники факультета журналистики не идут в корреспонденты, если они не мигранты. Огромное количество ребят, которые приехали, к примеру, два года тому назад, уже работают на телевидении и прекрасно работают. На самом деле дискриминация весьма мала. И по гендерному принципу, и по принципу мигрант-не мигрант не заметна дискриминация или почти незаметна, по крайней мере, в большинстве крупных медийных предприятий. Спасибо за внимание.

Валерий Ронкин. Сегодня я расскажу байку из собственной жизни. Ходим мы с женой по городу Триру и видим: в 12 часов все строительные краны встали, в час дня - все краны заработали. В другой день ходим-ходим – без четверти двенадцать. Краны стоят. Походили-походили – в четверть второго краны заработали. Пришли. Говорят по-русски. Я не знаю, насколько характерно для Германии это мое наблюдение. Но, естественно, при таком отношении к труду должна быть дискриминация.

Ефим Смелянский: Я хочу поделиться своим впечатлением от всего того, что происходит, и оно крайне неутешительно. Я не могу это отнести к качеству доклада. Но для меня совершенно не прояснилась проблема дискриминации на рынке труда. Потому что я до сих пор не понимаю, почему я должен считать, что дискриминация – это экономическое явление. А раз это экономическое явление, значит неуплата налогов – это тоже экономическое явление, банальное воровство – это тоже экономическое явление, грабежи, убийства и так далее – это все тоже экономические явления. У меня это в голове как-то не укладывается. Я думаю, что здесь более серьезные проблемы. И более серьезные причины должны быть рассмотрены. Я так и не понял, способствует ли дискриминация росту экономики. Не понимаю, не вижу, почему да, почему способствует. Если способствует, то почему с ней борются. Где больше, где меньше, но все равно борются. Почему считается хорошим тоном бороться с дискриминацией? Если она способствует росту экономики, то надо признать, что дискриминация способствует росту экономики, и не надо с этим бороться, а надо это явление направить в нужное русло.

Далее. Я не понял, это что же, сегрегация стала повсеместным явлением? Это тренд современного развития общества – сегрегация? Опять же не укладывается в голове. И таких вопросов данный доклад поставил огромное количество, на которые я для себя ответа не получил. Спасибо.

Андрей Заостровцев. Павел Михайлович, спасибо за доклад. Мне были очень интересны некоторые моменты Вашего доклада. С чисто экономической точки зрения хочу обратить внимание на вопрос «выгодно-невыгодно». Экономисты различают короткий период и длительный период. В коротком периоде, естественно, дискриминация выгодна, поскольку она снижает издержки, а снижение издержек стимулирует экономический рост. Но в длительном периоде она снижает экономический рост по главному направлению. Сегодня источником экономического роста является человеческий капитал – квалифицированная рабочая сила, ее знания, умение, навыки и так далее. Дискриминация создает такие застойные области, когда определенный слой людей из поколения в поколение оказывается в дискриминируемой ситуации и не имеет возможности вырваться из этого порочного круга. Более того, он сам себя начинает идентифицировать с этими профессиями.

В Соединенных Штатах очень любят создавать всякие рейтинги («лучшие баскетболисты», «лучшие экономисты»). У них есть такой рейтинг десяти лучших молодых экономистов. Среди них есть один, говоря по-американски политкорректно, афроамериканец. Он, в частности, занимался знакомой ему проблемой дискриминации. В США, можно сказать, в отношении афроамериканцев дискриминация наоборот. Но он показал, что они сами себя дискриминируют. Он описывает, как ему было тяжело в школе, как над ним издевались другие ученики, они говорили: «Ты ведешь себя как белый, ты учишься хорошо». У нас таких теперь называют «ботаниками». То есть, хорошо учиться – это функция белых. Единственное, что признается – это социальная мобильность: баскетбол, спорт, шоу-бизнес – это «наша» сфера, а карьера ученого – это что-то ненормальное. С этой точки зрения, дискриминация сограждан может препятствовать развитию человеческого капитала даже через такую самоидентификацию.

Вопрос о квотах очень сомнителен, на мой взгляд. Может быть, в Северных странах это работало. Но, во-первых, надо спросить женщин, хотят ли они на руководящие должности, мешает ли им дискриминация или просто у них существует добровольный выбор не занимать руководящие должности. Поэтому тут вопрос мне не ясен. А в целом квотирование имеет жуткие последствия. В Советском Союзе это было очень развито: выделялись места для студентов из Средней Азии, для партийных, для женщин и так далее. Там было все расписано. В целом ряде должностей должно быть плюс-минус столько-то женщин. То есть попытки государства что-то изменить путем искусственного введения квот всегда приводят к противоположному результату. Я бы присудил Нобелевскую премию по экономике Черномырдину, который сказал свою знаменитую фразу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Другими словами – благими намерениями государства, если даже они благие, вымощена дорога известно куда. То есть эффект будет совершенно обратный замыслу, даже если мы исключим корыстный, чисто эгоистический мотив чиновника-коррупционера и прочих.

Смулянский: Кому же все-таки выгодна дискриминация? Ведь это очень важный вопрос.

Заостровцев. Она очень выгодна с точки зрения снижения издержек и предпринимателю и даже тому, кто просто нанимается на работу, иначе он просто рабочего места не получит. У него нет выбора: получать более высокую зарплату или более низкую. У него есть выбор между занятостью и незанятостью. У дискриминируемого другого выбора нет.

О негативных последствиях я уже говорил. Этот сектор низкого социального статуса самовоспроизводится из поколения в поколение. И проблема «второго поколения», о которой здесь говорилось – это явление протеста. Этот протест принимает формы национального, социального, религиозного (например, у мусульман). Второй аспект – Европа. Она, конечно, себя сгубила своей социальной политикой.

Когда к нам едут мигранты, они знают, что тут нет никаких социальных благ и кроме ментовских поборов им тут ничего не светит. А ничего хорошего от государства не добьешься. Надо как-то пробиваться сквозь все это, устраиваться и работать. То есть в Россию они едут работать, а во Францию они едут отдыхать. Они уже знают схему, как проникнуть во все эти гуманные учреждения, получать не одно пособие и так далее и тому подобное. По существу они образуют такие кварталы – клиентелы, как говорили в Древнем Риме – плебс, который жил за счет хлеба и зрелищ. В результате своей социальной политики Европа получила такие зоны. У нас они невозможны чисто экономически, потому что для того, чтобы так жить, надо что-то получать. У нас они ничего не получают.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКА

Хочу поблагодарить всех присутствующих за внимание ко мне и моей теме и немного остановиться на русском вопросе «что делать?». Первое, что я предлагаю и говорю, что это желательно для экономики, это квотирование женщин на руководящие должности. Я, безусловно, согласен с моим коллегой: чем чаще государство вмешивается в экономику, тем для экономики хуже. Но проблема заключается в том, что без этого мы никогда не спросим женщин, чего же они хотят. Вот если у них не будет такой законодательной возможности, то мы это не узнаем никогда. Ведь мы можем через три года получить абсолютно отрицательный результат - то есть действительно женщины не хотят идти на руководящие должности. Можем? Вполне. А можем получить совершенно противоположный результат. Опросы, которые я приводил: «сделать карьеру или удачно выйти замуж», показывают, что скорее будет наоборот. Но возможность такую мы должны им предоставить, чтобы они имели равные конкурентные условия.

Второе. Безусловно, необходимо изменение государственной политики на уровне законодательной и судебной власти. Изменения необходимы, конечно же, не в том направлении, в каком они сейчас делаются, а в том направлении, чтобы сделать людей, которые приезжают к нам, гражданами России, чтобы этнических анклавов у нас было меньше. Те люди, которые приезжают к нам, это совсем не те, которые приезжают во Францию. У меня есть студент из Конго. Третью Африки перманентно воюет. Нам-то может быть все равно, что там происходит, но людям бывает просто некуда возвращаться. Те мигранты, которые к нам приезжают, собираются действительно работать. В этом направлении нужно сделать изменения.

То есть государственная политика должна быть и направлена на привлечение мигрантов, и нацелена на сохранение социально-культурных ценностей нации - насколько это возможно. Это очень сложный вопрос, но он совершенно не поднимается. А для того, чтобы сделать совместимыми ценности людей, которые работают на территории России, мы должны это проводить. Это и экономическая, и социальная проблема.

Безусловно, я соглашусь, что экономически рабочие места, которые есть в России, предполагают сравнительно худшие условия оплаты труда, чем это есть в развитых странах при существующем уровне производительности и многих других проблемах. Поэтому миграция сейчас обеспечивает, с одной стороны, снижение издержек, а с другой стороны, она делает приемлемым создание предприятий на территории России.

Тот же Форд создал предприятие в России и стал закрывать такое же предприятие на территории США именно по этой причине.

Следующая мера – это поддержка государством нормальных семей и их детей. Она должна быть больше и разнообразнее. Имеется в виду то, что мы должны создать привлекательность страны. Мы все говорим о мигрантах, но вопрос достаточно прост: если страна привлекательна, в нее едут, если страна непривлекательна - не едут. Мало желающих поехать в Монголию. На территории России они (желающие поехать в Монголию) есть, но их мало, а желающих приехать в Россию - больше, значит, она более привлекательна. Эти черты привлекательности через улучшение положения собственных нормальных семей следует развивать.

Последнее, что я хочу сказать: дискриминация будет продолжаться и будет расширяться, конкуренция за право дискриминировать людей не своей страны будет в мире усиливаться. Такая тенденция будет наблюдаться в ближайшее время. На этом позвольте мне закончить.